

Чит журн

ГРЕМЯТ победные залпы сорок пятого, в них как бы слиты голоса людей, мучительно выстрадавших войну, но даже в самые мрачные дни светло веривших в неминуемость главного салюта. А в просторной московской квартире сильный седой человек, застыв в кресле, не может поднять свой бокал за Победу: война, уже закончившаяся, навсегда забирала людей и в те счастливые, звездные минуты. Что-то беспомощно шепчет женщина с растекающейся по лицу тушью: она хотела выглядеть в тот вечер красивой. Потому что должна была стать женой этого человека... Так заканчивается первая из двух новых повестей Анатолия Алексина «Ивашов».

...После бурного «домашнего совета» деликатный, добрый, но, увы, не умеющий принимать смелых решений Митя Санаев провожает в дальний северный город маму и бабушку, решив остаться с теткой — с той самой, которая деспотически подавила его волю. Категоричной краской запретов, бесцеремонных вторжений она уничтожила радость и яркость первого Митино чувства. Юноша остается с ней, но тетя уже не сможет больше тиранствовать, повелевать им и его поступками — в этом мы убеждены. Так заканчивает писатель вторую повесть — «Дневник жениха».

Требовательно, художнически бескомпромиссно относится Анатолий Алексин к сюжету, слову, к каждой детали, «нагружая» их, казалось бы, непомерно и приближая тем самым короткие по размеру повести к жанру романа.

То, что А. Алексин опубликовал рядом два столь непохожих по сюжету произведения, с очень далекими друг от друга, попросту несопоставимыми героями, думается, не случайно.

Повесть «Ивашов» посвящена труженикам Великой Отечественной — беззаветным героям тыла. Не впервые обращается писатель к тем тяжким, но исторически бессмертным дням, когда советские люди вдали от передовой отдавали все, подчас самое жизнь во имя Победы. Вспомним повесть «В тылу как в тылу». А. Алексин хорошо знает, каким смыслом наполнена кажущаяся будничной фраза, которая стала названием повести: совсем юным человеком участвовал он в строительстве важнейшего оборонного завода-гиганта. Писателя возвращает к священной теме не только память сердца, но и долг гражданина, **обязанного донести до нашего**

материал добротен, если им являются идейная убежденность, подлинная духовность и доброта, строитель достигает высокой цели. Сам он не побоялся покинуть «зону безопасности» для новой борьбы, ибо знает, что оставил, что подарил людям.

В классе, где училась дочь Ивашова, было известно, что отец ее — большой начальник. Говорили и так: «Большой человек!». Оказавшись ответственным за огромную оборонную стройку, Ивашов показал себя именно таким человеком. В том числе и потому, что заповедью его стало: в «нечеловеческих условиях войны... остаться человеком». Движимый этой заповедью, то и дело бросаясь в

территорию счастья и братства, которой должна стать вся наша планета, надо строить всегда, ежечасно. В этом он видел свой долг. В этом видят свой долг наша страна, наша партия, солдатом которой и был Ивашов.

Писатель нарисовал образ коммуниста, борца, воинствующего гуманиста, человека с незапятнанной совестью, презирающего ханжество, живущего по законам морали, а не по менторским прописям, которые так часто вступают в конфликт с реальной действительностью. Таким Ивашов был в годы сражений, таким он был бы и в мирное время, если бы не умер на пороге Победы.

Как бы от имени таких, как

двадцать шесть представительниц «слабого пола» и только он, Митя, мужчина: легче будет пробиться! Но мужчина ли он? Не слабее ли он своих однокурсниц? Тетя сделала все, чтобы лишить Митю способности действовать, бороться. Принесло это Мите счастье? Нет, властная женщина поработила юного человека. Племянник стал пленником.

Ивашов жертвовал для людей всем, но ни в одном его поступке не было и намека на жертвенность. Он ничего не ждал взамен: наградой для него стали счастье и покой, которые должны были обрести люди в мирную пору. Тетя Зина, напротив, в уплату за свои

характерности, а доброты), но мы уверены, что Митя действительно «обрубил трос» и готов к большому самостоятельному плаванию.

Защищать человека, идти в наступление за человека — главное призвание Ивашова. Кто же идет этой дорогой в повести «Дневник жениха»? Автор произведения. Он не примирим к посягательствам на человеческое достоинство, на права молодости самой определять свое будущее. Психологически тонко, но беспощадно, подчас с сатирической силой раскрывая характер тети Зины и сущность ее побуждений, писатель как бы разъясняет все это Мите Санаеву и тем самым спасает его.

Итак, к циклу коротких повестей Анатолия Алексина прибавились еще две. Как и о ранее написанных «Безумной Евдокии», «Разделе имущества», «Сердечной недостаточности», «Домашнем совете», о новых повестях можно сказать: гуманизм их героев — это гуманизм в наступлении.

...На Кавказе, высоко в горах, днепропетровские комсомольцы воздвигли памятник воинам, павшим в боях с фашистской дивизией «Эдельвейс». На памятнике — строки одной из повестей Анатолия Алексина: «Люди не должны жить минувшим горем. Но тех, кто спас их от горя, они обязаны помнить!». Помните тех, кто спас в военную пору. И тех, кто помог в мирные дни...

Андрей КОМАРОВ

ОБЯЗАНЫ ПОМНИТЬ

Анатолий Алексин «Ивашов». «Дневник жениха». Повести. Журнал «Юность», № 12. 1980.

времени особую суть тыловой повседневности, когда подвигом был каждый день, каждый час. Мать Димы Тихомирова, героя повести, утверждала: «...Все-таки фронт — это фронт, а тыл — это тыл... Мы с вами — в зоне полной безопасности: спим в постели, нас не бомбят». А сама погибла от немислимых перегрузок, холода, недоедания.

Уйдем от конкретных обстоятельств, в которых была произнесена фраза о «зоне безопасности», но поразмыслим над этой формулировкой... Кто-то отгораживается от вредных для «нервосстанавливающихся нервных клеток» явлений, кто-то возводит стену безопасности из кирпичиков материального благополучия. Но душевно смел, рыцарски благороден тот, кто стремится создать **зону безопасности** для других. Эта «зона» призвана оградить людей от жестокости и несправедливости, от предательства и коварства. Если строительный

опаснейшие атаки, создавал он «зону безопасности» для людей — близких и далеких, знакомых и незнакомых. Атаки были не только трудовыми, но и нравственными: «Для нас закон военного времени — противление злу. Мы не будем призывать зло и жестокость, чтобы с их помощью громить зло и жестокость». Это, мы знаем, было законом и для советских воинов-освободителей на родной земле и на земле врага, причинившего нам столько страшного горя. Да, «зону безопасности», которую стремился создать Ивашов, можно назвать территорией будущего: он завоевывал ее для идущих вслед. А для себя? Для единственной дочери? Оба погибли на той героической стройке.

Ивашов понимал, что полной безопасности быть не может:

Ивашов, писатель во второй повести ведет наступление за «территорию» нравственной безопасности для людей, еще только вступающих в большую, взрослую жизнь.

Ну, а тетя Зина из «Дневника жениха» немало потрудилась над тем, чтобы обеспечить «зону безопасности» лично себе, своим жизненным принципам и тем взаимоотношениям с племянником Митей, которые она считает единственно возможными. «Буксир Тетя Зина» — так прозвали ее в доме. А Митю — баржой. Он и в самом деле плывет по жизни на буксире тетиных воззрений. Тетя Зина часто напоминает о своих жертвах во имя племянника: ведь это она его воспитала, вскормила, вспоила и направила на библиотечный факультет, поскольку там

«жертвы» потребовала Митино послушания на всю жизнь. Деспотизм любящих бывает не менее страшным, чем деспотизм ненавидящих. Тетя Зина требует, чтобы племянник отказался от своей любви, чтобы расстался с умной, обаятельной девушкой. Люба Калашникова сочувствует Мите, он дорог ей, но она не в силах его уважать: «Говорят, что любить — это значит жалеть. Но не такой жалостью; Митенька...» Он теряет любимую. Это пробуждает его сердце и разум от гипнотического сна, в который погрузила их тетя Зина. Та «зона безопасности» от тревог, борьбы, жизненной активности, которую тетя пыталась создать для племянника, оказалась ненужной ему, ибо она губительна для человека. Особенно молодого!

У Мити еще не хватает воли уйти из тетиного дома (жалость к тете Зине после решительного объяснения с нею — уже свидетельство не бес-